

Лебедев Е.

15 янв. 1987г.

АКТЕРЫ И РОЛИ

Задание самому себе

Евгений Лебедев сыграл своего Ивана в канун семидесятилетия. «Своего» сказано не случайно: пьеса давала актеру лишь повод выразить то, чем полны его роли последних лет. При этом он с пьесой не спорил — не вычитывал из текста того, чего в нем нет, и не проигрывал скороговоркой мест, явно слабых. Отнесся к опыту начинающего драматурга А. Кудрявцева с доверием и тем самым, быть может, дал ему наглядный урок. Показал, что сцена и зал приемлют, а что нет, хотя на первый взгляд в «Иване» между одним и другим не столь уж большая разница.

Зал замер, когда вдруг понял, что Ивана убили. Вдруг не потому, что трагический финал понадобился лишь для «трагизма» и не был подготовлен тем, что до него сыграл актер. Напротив — тишина воцарилась оттого, что сбылись предчувствия: чем дальше шло действие, тем сильнее тревога овладевала публикой — и вот свершилось.

В пьесе бывший полицейский Гришка, отбывший наказание и вернувшийся в деревню, убивает Ивана в драке. Вилы — орудие убийства — переходят из рук в руки, и в том, что произошло, вполне можно пред-

положить случайность. Не будь Иван навеселе — не очень пьян, но все же, он мог бы скрутить подлеца, заставить его вернуть ворованное сено. Однако именно со случайностью Лебедев решительно не согласен. Не встретит он на дороге никого, у него и тогда не хватило бы сил добежать до дурака-милиционера и забрать у него свой орден. Свое боевое Красное Знамя, которое нашло его после стольких лет и в принадлежность которого Ивану односельчане не верят. Сердце Ивана все равно бы не выдержало перехода от нечаянной и великой радости (великой, так смеясь и плача актер играет) к позору и горю. Нужно видеть и слышать, с каким не просто укором, но ужасом кричит он жене: «И ты туда же?» — и как произносит потом: «Ах, ах, ай», — чтобы почувствовать всю меру его отчаяния. В этот миг сердце его и надрывается: все, что случилось в дальнейшем, есть лишь завершение судьбы. Горькой, нескладной, в которой вина героя перед собой соизмерима с тем, чего недодала, чем обделила его жизнь.

Но было бы куда как неверно думать, что Лебедев представляет нам страстотерпца. Не такой он художник, чтобы

предвзято замечать в людях одно хорошее или дурное. Подобного рода задачи его давно не увлекают, его увлекает другое: жизнь, которая проявляется в личности, и все то, что из этого неизбежного единения происходит. Когда лад, когда спор, когда мучительное сосуществование.

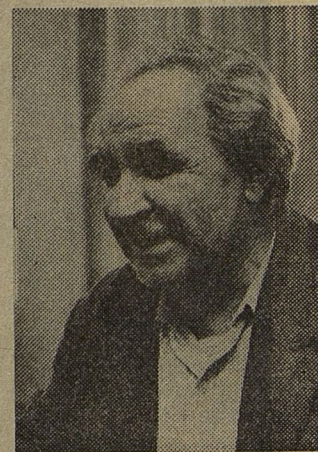
Общие вопросы актер задает себе несомненно — отсюда прочность и крупность его работ, но отвечает на них конкретно (такова товстоноговская школа), стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Бывают минуты, когда Иван жалок — пьет с забулдыгой, которому и руки подать нельзя и который, не таясь, над Иваном смеется, а тому хоть бы что. Рассказывает собутельнику о сокровенном эпизоде своей военной жизни — и как актеру эту нелепость оправдать? Свалить все на водку, на то, что не ведает Иван, что творит? Можно, основание есть, но и с ним Лебедев решительно не согласен. Головы его Иван вовсе не теряет, но охотно увлекаясь, вспоминает о войне, о женщине, у которой (так случилось) принял роды, потому что сам этого хочет. Не идет у него из памяти и

этот день, и этот бой, и эта немка, бог весть какими судьбами оказавшаяся на ничейной земле, на фольварке, переходящем из рук в руки. И не слышит Иван, что бросают ему в лицо ехидное «акушер», веря, а скорее не веря в диковинную историю. Как хотят, а у Ивана все рассказанное перед глазами и не в ухмыляющуюся физиономию, хотя она рядом, он смотрит, а в ту картину, что снова и снова перед ним возникает.

Понимаем, что и при таком задании самому себе могло получиться достаточно выспренное и недостаточно правдивое, но от того и другого Евгения Лебедева спасает мастерство. Тот его высший уровень, которому не в силах противиться даже самый равнодушный зритель. Не за пьесой он в такие моменты следит, а за артистом, за той жизнью, что он умеет открыть во всем. Жест, движение, взгляд, без слов напетая песня, оборванный танец (Иван все хочет начать его, да не может, не лежит душа к веселью), безудержная пляска в час радости говорят о человеке столь же внятно, как самый пространственный текст.

И юмор говорит. Лебедев не боится, даже тяготеет к патетике, но как черт от ладана

бежит от жалостливости. Когда роль «тянет на слезу», актер бесстрашно выкидывает «коленце». Зал смеется, и над героем тоже, но доверие и приязнь к нему становятся больше, актеру же того и надо.

Лебедев сочувствует тем, кого играет. Не любит обстоятельства, уродующих человека, и, когда надо, трезво показывает, во что человек может обратиться, но в основе его творчества понимание и любовь.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Г. Москва

15 ЯНВ 1987